

Научная дипломатия ЕС как инструмент стратегической автономии

О.А. Красняк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена анализу научной дипломатии Европейского союза как инструмента внешней политики, направленного на укрепление международной акторности ЕС, его стратегической автономии и технологического суверенитета. В центре исследования находится эволюция подхода ЕС к научной дипломатии: от либерально-нормативной модели, ориентированной на международное научно-техническое сотрудничество, решение глобальных проблем и продвижение «мягкой силы», к более прагматичной модели, связанной с конкуренцией за технологии, безопасность и стратегическое влияние.

Цель статьи состоит в выявлении концептуальных и институциональных основ научной дипломатии ЕС, а также в определении её роли во внешнеполитическом позиционировании Союза. Методологическую основу исследования составляет институциональный подход, позволяющий проанализировать научную дипломатию ЕС как систему норм, стратегических документов, организационных структур и практик, формируемых под эгидой Европейской комиссии. Эмпирическую базу составляют документы ЕС, доклады рабочих групп по научной дипломатии, материалы программ «Горизонт 2020» и «Горизонт Европа», а также научная литература. Для анализа практического применения научной дипломатии используются два контрастных кейса – проект СЕЗАМЕ в Иордании и научное сотрудничество в Арктике. Первый демонстрирует использование науки как инструмента диалога, примирения и «мягкой силы» в конфликтном регионе. Второй показывает научную дипломатию как средство стратегического присутствия ЕС в регионе, где научные исследования связаны с вопросами безопасности, ресурсов, климатической политики и геополитического соперничества.

В статье показано, что ЕС последовательно институционализирует научную дипломатию через деятельность Европейской комиссии, исследовательские программы, Альянс научной дипломатии ЕС, подготовку «научных дипломатов», а также расширение сети научных атташе и советников по науке. Вместе с тем анализ кейсов СЕЗАМЕ и Арктики выявляет ограничения акторности ЕС: научное сотрудничество не способно автоматически преодолевать политические конфликты, а в условиях фрагментации международного порядка всё чаще подчиняется логике стратегической конкуренции. Делается вывод, что современная научная дипломатия ЕС становится не только инструментом международного сотрудничества, но и механизмом укрепления геополитической субъектности, технологического превосходства и стратегической автономии Европейского союза.

УДК: 327(4-672ЕС):001.83

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята к публикации: 25.03.2026

Ключевые слова: научная дипломатия, внешняя политика ЕС, международное научно-техническое сотрудничество, СЕЗАМЕ, сотрудничество в Арктике, технологический суверенитет

2025 год ознаменовался публикациями двух концептуальных докладов по научной дипломатии. Практически одновременно рабочие группы Европейской комиссии, с одной стороны, и Американской ассоциации содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science, AAAS) совместно с Лондонским королевским обществом (Royal Society of London for Improving Natural Knowledge, The Royal Society), с другой, опубликовали обновлённые доклады по научной дипломатии. Анализ обоих докладов позволяет утверждать, что, очевидно, произошла смена парадигмы научной дипломатии, которая из несколько идеалистического инструментария либерального глобализма стала более рациональным инструментом наметившейся фрагментации миропорядка. Оба доклада зафиксировали эволюцию научной дипломатии, кумулятивный эффект которой накапливался в течение первой четверти XXI в.

Первый доклад «Основы европейской научной дипломатии: Рекомендации рабочих групп ЕС по изучению научной дипломатии»¹ и второй, «Научная дипломатия в эпоху перемен»², отражают существующие изменения миропорядка и делают попытку определить роль и место стран Запада в глобальном мироустройстве. Поскольку наука и научные достижения являлись двигателем и основанием для западного доминирования как минимум с начала индустриальной революции XVIII в., понимание роли современной научной дипломатии имеет непреходящую ценность, а сама научная дипломатия продолжает оставаться ценным внешнеполитическим активом.

В качестве внешнеполитического инструментария современная научная дипломатия вошла в научно-академический дискурс и дипломатический оборот стран Запада с начала 2000-х гг. Согласно универсальной трактовке, научная дипломатия появляется в результате пересечения науки и международных отношений, при этом конфигурация практик научной дипломатии довольно широкая и включает в себя действия государства, направленные на продвижение национальных интересов, действия, направленные на продвижение

¹ A European framework for science diplomacy: Recommendations of the EU Science Diplomacy Working Groups. 2025. *European Commission*. 13 February. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4b319f3d-e9ff-11ef-b5e9-01aa75ed71a1/language-en> (accessed 12.04.2026).

² Science diplomacy in an era of disruption, London: Science Policy Centre. 2025. *AAAS & Royal Society*. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/2025-02/Final_Sciencediplomacy_15yearson_report_WEB.pdf (accessed 12.04.2026).

трансграничных интересов и действия, направленные на решение глобальных проблем (Berkman 2019). Первая, и ставшая довольно распространённой, классификация научной дипломатии появилась в результате трёхдневной встречи в Вилтон Парке (Wilton Park), исполнительном агентстве Министерства иностранных дел, Содружества наций и развития Великобритании (UK Foreign, Commonwealth & Development Office) в 2009 г. Представители академического и дипломатического сообществ англосаксонских стран предложили классификацию научной дипломатии, позже опубликованную в докладе AAAS и The Royal Society «Новые горизонты в научной дипломатии»³. Научная дипломатия одновременно относилась к публичной дипломатии, мягкой силе и инновационной дипломатии, однако главным оставался вопрос: каким образом наука влияет на дипломатический процесс?⁴ Ответ определялся в таких категориях, как «дипломатия для науки», «наука для дипломатии» и «наука в дипломатии».

Общепринятое определение научной дипломатии истолковывается довольно широко, но в целом сводится к необходимости продвижения международного научно-технического сотрудничества с целью усиления научного потенциала государства, повышению его экономической конкурентоспособности, «мягкой силы», а также выработке научно-информированной политики, способствующей решению социально-экономических и глобальных вызовов (Гутенёв 2021; Reinhardt 2021). Понимание и реализация научной дипломатии отдельным государством в выстраивании отношений с другими государствами и международном позиционировании зависит от ряда факторов, главными из которых являются уровень экономического развития страны и неразрывно связанный с ним научно-технический прогресс. Главными акторами научной дипломатии со стороны «дипломатии» являются посольства и консульства, в которых особую роль играют атташе по науке и технике (Райнхардт и Мозебах 2017). Со стороны же «науки» на институциональном уровне акторами научной дипломатии являются учёные и исследователи, задействованные в международном сотрудничестве, предоставлении научной экспертизы, необходимой для принятия государством решений, или же принимающие участие в дипломатических переговорах также с целью предоставления научной экспертизы (Melchor 2020).

Однако, когда речь идёт о наднациональном объединении, каковым является Европейский союз, трактовка и использование научной дипломатии принимает особые формы как стратегического планирования, так и практической

³ New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power. AAAS & Royal Society. London: Science Policy Centre & The Royal Society, 2010. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf. (accessed 12.04.2026).

⁴ Dickson D. 2010. Science in Diplomacy: "On Tap but Not on Top." June 29. URL: <https://scidivnet.wordpress.com/category/science-diplomacy-conference-2010/> (accessed 12.04.2026).

реализации. Принимая во внимание возрастающие социально-экономические трудности ЕС и снижение его геополитического веса в контексте смены миропорядка, научная дипломатия представляется инструментарием, на который возлагается особая надежда по сохранению международной акторности ЕС. Продвигаемая концепция «Силы знаний Европы» (Knowledge Power Europe) позиционируется в качестве движущей силы глобального лидерства ЕС, основанного на обладании уникальным научным знанием (Young, Ravinet 2022). По мнению европейских исследователей, использование научного знания во внешней политике ЕС должно усилить его роль в глобальном управлении и компенсировать снижающееся экономическое значение, которое проявляется особенно остро на фоне роста государств мирового большинства.

Цель данной статьи – выявить концептуальные и институциональные основы научной дипломатии, определить её роль в политике ЕС, в частности, в продвижении международного научного сотрудничества и подготовке кадров и образовательных программ научной дипломатии. Основная гипотеза заключается в том, что стремление ЕС использовать научную дипломатию, безусловно, связано с необходимостью усилить пошатнувшееся положение в качестве международного актора. Использование инструментария научной дипломатии в международных научных проектах таких, как СЕЗАМЕ и научного сотрудничества в Арктике, показало свою уязвимость, обнажая ограниченность наднационального образования в пользу национальных государств, существующих в парадигме глобальной политики. В ответ, поместив себя на своеобразной вершине пирамиды научной дипломатии, ЕС пытается закрепить за собой интеллектуальную и образовательную прерогативу в формулировке, трактовке и использовании научной дипломатии, которая тесно вплетена в идеи либеральной демократии и призвана обеспечить стратегическую автономию ЕС.

Методология исследования основана на институциональном подходе. Он позволяет выявить роль Европейской комиссии, исследовательских программ ЕС, Альянса научной дипломатии ЕС, сети научных атташе и советников по науке в формировании общеевропейской стратегии научной дипломатии.

Эмпирическую основу исследования составляют стратегические и программные документы Европейской комиссии, доклады рабочих групп ЕС по научной дипломатии, материалы исследовательских программ «Горизонт 2020» и «Горизонт Европа», а также академические публикации, посвящённые научной дипломатии ЕС и отдельных европейских государств. В качестве методов исследования применяются качественный контент-анализ официальных документов и научной литературы, сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить изменение трактовки научной дипломатии ЕС с 2010-х гг. до 2025 г., а также кейс-стади.

Выбранные кейсы демонстрируют два различных режима использования научной дипломатии ЕС. Проект СЕЗАМЕ отражает преимущественно либерально-нормативную модель научной дипломатии, в рамках которой наука

рассматривается как относительно нейтральное пространство взаимодействия, способное снижать политическую напряжённость и способствовать диалогу между конфликтующими сторонами. В этом случае ЕС выступает как донор, институциональный наставник и проводник модели «науки для мира», стремясь использовать научную инфраструктуру как инструмент «мягкой силы» и регионального примирения.

Арктический кейс, напротив, показывает более прагматичную модель научной дипломатии. Здесь научное сотрудничество связано не столько с примирением конфликтующих сторон, сколько с обеспечением стратегического присутствия ЕС в регионе, имеющим ключевое значение для безопасности, климатической политики и доступа к природным ресурсам. В условиях обострения отношений с Россией после 2022 г. арктическая научная дипломатия всё в большей степени оказывается встроеной в логику санкций, стратегической автономии и конкуренции за влияние.

Концептуальные основы научной дипломатии ЕС

ЕС использует научную дипломатию как один из инструментов внешней политики: с одной стороны, она включается в стратегические документы и долгосрочные программы Союза, с другой – реализуется через конкретные проекты, экспертные сети, образовательные инициативы и деятельность научных советников. Важно отметить, что государства – члены ЕС также активно развивают научную дипломатию на национальном уровне, а европейские исследователи уделяют особое внимание её концептуальным и методологическим аспектам. Пионерами европейской научной дипломатии стали Германия (Fährlich 2017) и Швейцария (Saric et al. 2025). В 2008 г. Германия приняла первую стратегию интернационализации образования и науки, обозначив курс на глобализацию исследований. Эта стратегия стала инструментом сближения внешнеполитической и научно-образовательной повесток. Одним из её практических результатов стало создание Германских центров науки и инноваций⁵. Схожим образом несколько ранее появилась и швейцарская международная сеть Swissnex, объединяющая в себе образование, научные исследования и инновации⁶.

Обе сети стали инструментами продвижения международного академического сотрудничества при поддержке дипломатических ведомств (Flink, Schreiterer 2010). Будучи официальными посредническими структурами, зарубежные представительства Германских центров науки и инноваций и сеть Swissnex обеспечивали взаимодействие между университетами, исследовательскими организациями, экспертными сообществами и дипломатическими

⁵ German Centres for Research and Innovation. URL: <https://www.dwih-netzwerk.de/en/> (accessed 12.04.2026).

⁶ Swissnex. URL: <https://swissnex.org/> (accessed 12.04.2026).

ведомствами, выполняя не только научно-образовательные, но прежде всего внешнеполитические задачи. Международный контекст и характер отношений между странами предопределяли выбор мест размещения таких представительств: они открывались в столицах и крупных центрах экономически и технологически развитых государств. Так, первые, хотя и не единственные, представительства Swissnex появились в Бостоне и Нью-Йорке, а германские центры – в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Москве. Московский офис приостановил свою деятельность в 2022 г. и на момент подготовки настоящего исследования её не возобновил.

Обеспечивая связь между наукой и дипломатией, эти научно-дипломатические представительства были призваны продвигать Швейцарию и Германию как научно-инновационные центры, создавать площадки для научного диалога и обмена, оказывать поддержку учёным в организации конференций и способствовать развитию научного сотрудничества. В дальнейшем научную дипломатию стали активно использовать и другие европейские государства, включая Францию (Lane 2013; Шестопап, Литвак 2016,⁷ Испанию,⁸ Португалию (Abrantes, Vaz-Pinto 2014) и др.

Важное значение имели планомерные действия ЕС по институционализации научной дипломатии на доктринальном уровне и её использованию как инструмента проецирования европейского влияния на третьи страны (Langenhove 2017; López de San Román, Schunz 2018). Учитывая накопленный опыт национальных государств, ЕС стремился встроить научную дипломатию в собственную внешнеполитическую стратегию. В 2012 г. Европейская комиссия впервые использовала термин «научная дипломатия» на официальном уровне⁹. Под научной дипломатией понималось использование международного сотрудничества в области технологий и инноваций в качестве «мягкой силы» и механизма, способствующего улучшению отношений с ключевыми международными партнёрами и регионами. В свою очередь, развитие дружественных отношений должно было создавать дополнительные возможности для расширения научного сотрудничества. Основными стратегическими целями международного сотрудничества ЕС были обозначены укрепление привлекательности европейской науки и инноваций, поддержание экономического процветания и промышленной конкурентоспособности, ответ на глобальные вызовы и поддержка европейской внешней политики.

⁷ Ruffini, P.-B. 2020. France's Science Diplomacy. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2020/frances-science-diplomacy> (accessed 12.04.2026).

⁸ Moreno A. E., Melchor L., Orts-Gil G., Gracia C., Lacunza I., Izquierdo B., Fernández-Vera J. I. 2017. Spanish Science Diplomacy: A Global and Collaborative Bottom-Up Approach. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2017/spanish-science-diplomacy-global-and-collaborative-bottom-approach> (accessed 12.04.2026).

⁹ Enhancing and focusing EU international cooperation in research and innovation: A strategic approach. 2012. *European Commission*. 14 September. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012DC0497&from=en> (accessed 12.04.2026).

Реализация этих целей вписывалась в стратегию Европейской комиссии «Европа 2020», принятую в 2010 г. и ориентированную на «умный, устойчивый и инклюзивный» экономический рост¹⁰. Дальнейшее развитие научная дипломатия получила в докладе Европейской комиссии 2016 г., где она вновь определялась как инструмент «мягкой силы» и важный ресурс внешней политики, способствующий продвижению международного научного сотрудничества. В этом документе научная дипломатия также описывалась как «факел, освещающий путь там, где политика и дипломатия потерпели неудачу»¹¹. Тем самым она представлялась как механизм, способный объединять усилия разных акторов на глобальном уровне и содействовать продвижению мира, безопасности, гуманитарной помощи и социально-экономического развития.

В частности, значение научной дипломатии ЕС подчёркивалось в связи с заключением Соглашения по иранской ядерной программе, в котором участвовали Россия, Великобритания и Соединённые Штаты, а ЕС был представлен Францией и Германией¹²; в работе Ближневосточного научно-исследовательского центра синхротронного излучения СЕЗАМЕ, широко финансируемого ЕС и ориентированного на сотрудничество с ближневосточными странами (Rungius et al. 2022); а также в деятельности Арктического совета, где ЕС стремился укрепить своё присутствие, учитывая, что Финляндия, Швеция и Дания как государства – члены ЕС являются арктическими странами (Berkman et al. 2017).

Концептуализация и институционализация научной дипломатии ЕС постепенно приобретали более очерченные формы, а сама научная дипломатия стала одним из стратегических направлений внешней политики Союза. Преодоление нескоординированности научной дипломатии в рамках общей внешнеполитической линии и политики безопасности ЕС в целом оказалось успешным (Langenhove 2017). В последующие годы научная дипломатия получила дополнительный импульс благодаря программе «Горизонт 2020» (Horizon 2020) – крупнейшей программе ЕС по развитию научных исследований и технологий с бюджетом около 80 млрд евро на 2014–2020 гг.¹³.

В рамках «Горизонта 2020» Европейская комиссия финансировала три исследовательские программы, занимавшиеся стратегическим осмыслением и практическим развитием научной дипломатии: «Использование науки для/в дипломатии для решения глобальных проблем» (S4D4C)¹⁴, «Создание единой

¹⁰ Europe 2020: A strategy from smart, sustainable and inclusive growth. 2010. *European Commission*. 3 March. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETENBARROSO007-Europe2020-ENversion.pdf> (accessed 12.04.2026).

¹¹ Open Innovation, Open Science, Open to the World: A vision from Europe. 2016. *European Commission*. 2 May. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/3213b335-1cbc-11e6-ba9a-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_2 (accessed 12.04.2026).

¹² Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года. 2015. *МИД РФ*. 16.07. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 12.04.2026).

¹³ Horizon 2020. *European Commission*. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-2020_en (accessed 12.04.2026).

¹⁴ Using science for /in diplomacy for addressing global challenges. *S4D4C* URL: <https://www.s4d4c.eu/> (accessed 12.04.2026).

научной дипломатии для Европы» (InsSciDE)¹⁵ и «Европейское лидерство в культурной, научной и инновационной дипломатии» (EL-CSID)¹⁶. В исследовательские группы этих программ входили ведущие учёные, дипломаты, представители общественных организаций и негосударственных акторов. Промежуточным результатом их совместной работы стала Мадридская декларация научной дипломатии 2019 г.¹⁷.

Декларация закрепила понимание научной дипломатии в рамках либеральной парадигмы, подчеркнув универсалистскую ценность науки и демократических принципов. В ней провозглашалась необходимость включения науки и инноваций во внешнюю политику ЕС на различных уровнях, что одновременно способствовало продвижению научной деятельности и легитимации внешнеполитических целей Союза. Операционализация научной дипломатии, в свою очередь, была ориентирована на подготовку специалистов с помощью образовательных модулей и краткосрочных программ, разработанных на основе единого методологического подхода¹⁸.

Другими словами, научная дипломатия рассматривалась как операционный и организационный механизм, необходимый ЕС для усиления собственного международного веса в качестве глобального актора. Глобальный охват внешней политики ЕС, обозначенный в Мадридской декларации, раскрывался через обращение к ключевым проблемам современности, включая изменение климата, глобальное потепление и глобальное неравенство. Следовательно, актуализация этих проблем, интенсивное внедрение инструментария научной дипломатии и подготовка специалистов должны были способствовать укреплению геополитического положения ЕС в системе международных отношений.

Следует отметить, что сама по себе научная дипломатия не решает глобальные проблемы, будь то климатические изменения или социально-экономическое неравенство. Однако в европейском подходе она рассматривается как механизм, позволяющий организовывать и объединять усилия государств, учёных и представителей общества, создавать глобальные исследовательские партнёрства, обозначать геостратегическое присутствие ЕС и усиливать его конкурентоспособность.

После завершения программы «Горизонт 2020» указанные исследовательские группы в 2021 г. объединились в Альянс научной дипломатии Европейского союза (European Union Science Diplomacy Alliance)¹⁹. Альянс стал

¹⁵ Inventing a shared science diplomacy for Europe. *European Commission*. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/770523> (accessed 12.04.2026).

¹⁶ European leadership in Cultural, Science and Innovation Diplomacy. *United Nations University CRIS*. URL: <https://cris.unu.edu/european-leadership-culture-science-and-innovation-diplomacy-el-csid> (accessed 12.04.2026).

¹⁷ (The) Madrid Declaration on Science Diplomacy. February 2019. *S4D4C*. URL: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy/> (accessed 12.04.2026).

¹⁸ Using science for /in diplomacy for addressing global challenges. *Trainings. S4D4C*. URL: <https://www.s4d4c.eu/trainings/> (accessed 12.04.2026).

¹⁹ European Union Science Diplomacy Alliance. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.science-diplomacy.eu/> (accessed 12.04.2026).

продолжением предшествующих проектов и обозначил научно-дипломатическую преемственность, сосредоточив вокруг себя ведущих европейских исследователей научной дипломатии.

Важным шагом в дальнейшем концептуальном развитии европейской научной дипломатии стало создание Европейской комиссией Стратегического форума в 2020 г. Форум был призван содействовать развитию международного научно-технического сотрудничества и одновременно способствовать дальнейшей институционализации научной дипломатии, закрепляя за ЕС стратегическую роль в её продвижении²⁰. Одной из главных задач Стратегического форума стало развитие сети научных консультантов и атташе по науке и технике как внутри ЕС, так и во взаимодействии с другими государствами (Ruffini 2022). Европейская комиссия систематически направляет советников по научным исследованиям и инновациям в ключевые страны-партнёры. Эти советники, в свою очередь, дополняют и координируют свою работу с атташе по науке государств – членов ЕС, работающими по всему миру. В 2022 г. общее количество советников по науке, технологиям и инновациям составляло около 500 человек²¹. В программной статье форума, прямо озаглавленной «Научная дипломатия», было предложено достаточно широкое определение этого понятия как «набора практик, находящегося на пересечении науки, технологий и внешней политики»²².

Относительно новой чертой этой расширенной трактовки стало включение научной дипломатии в сферу публичной политики на субнациональном, национальном и наднациональном уровнях, что должно было способствовать более эффективному согласованию политических инициатив. Иными словами, роль научной дипломатии ЕС уже не ограничивалась внешнеполитическими инициативами: она всё глубже проникала на институциональный уровень национальных государств и становилась инструментом координации совместных политических действий. Широкая сеть научных консультантов и доверенных экспертов признавалась необходимым условием для координации и реализации дорожных карт европейской научной дипломатии (Ruffini 2023).

Долгосрочная реализация стратегии научной дипломатии на операционном уровне стала осуществляться в рамках программы «Горизонт Европа» (Horizon Europe), сменившей «Горизонт 2020». Дорожная карта европейской научной дипломатии включала несколько направлений: мониторинг публикационной активности и расширение академического поля исследований

²⁰ Strategic Forum for International Scientific and Technological Cooperation. *European Commission*. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-research-and-innovation/europe-world/international-cooperation/science-diplomacy/sfic_en (accessed 12.04.2026).

²¹ The Role of Science in the EEAS. 2022. *European Union*. 17 March. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/role-science-eeas_en (accessed 12.04.2026).

²² Strategic Forum for International S&T Cooperation. Input paper “Science Diplomacy”. 2020. *European Union*. 17 February. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-1352-2020-INIT/en/pdf> (accessed 12.04.2026).

по научной дипломатии; повышение осведомлённости и модульное обучение учёных, дипломатов и представителей общественных организаций; развитие научно-дипломатической сети экспертов на региональном, национальном и международном уровнях. Всё это должно было способствовать укреплению международного научного сотрудничества и более широкому использованию инструментария научной дипломатии.

В практической плоскости страны, во взаимодействии с которыми ЕС продвигал научное сотрудничество, были ранжированы по политико-экономическому принципу. В первую группу вошли государства, охваченные Европейской политикой соседства и связанные с ЕС географической близостью: страны Восточной Европы, Южного Кавказа, Северного и Восточного Средиземноморья. Во вторую группу были включены развитые страны демократического лагеря – США, Канада, Япония и Южная Корея. Третью группу составили страны БРИКС. Наконец, четвёртая группа включала развивающиеся государства, для которых особенно остро стоят проблемы бедности, голода, вооружённых конфликтов и экологической уязвимости (Galluccio 2021: 71). Подобное ранжирование было связано, в том числе, с распределением финансирования научных и академических проектов в рамках программы «Горизонт Европа».

Научная дипломатия остаётся частью и нового концептуального документа – Стратегии Европейской комиссии по международному сотрудничеству в области науки и инноваций, представленной в 2021 г.²³ В ней научная дипломатия по-прежнему позиционируется как инструмент «мягкой силы», необходимый для продвижения экономических интересов и либеральных ценностей. Однако, учитывая нарастающую турбулентность либерального мирового порядка, новая стратегия ставит перед ЕС уже более реалистичные и рациональные цели. Акцент переносится на укрепление существующих научно-технических связей со странами атлантического региона и на обозначение намерений расширить присутствие ЕС в Арктике. Это свидетельствует о более чётком очерчивании внешнеполитических задач Союза.

Идея глобального либерального доминирования, вероятно, всё чаще ставится под сомнение, что выводит в приоритет сотрудничество с Соединёнными Штатами, Великобританией и нейтрально-позитивными государствами по обе стороны Атлантики. Базовым условием сотрудничества ЕС с Россией, однако, остаётся соблюдение фундаментальных прав и ценностей, а само взаимодействие предполагалось преимущественно в форме поддержания прямых контактов между учёными.

Отдельной задачей Стратегии был выделен зелёный переход, связанный с решением экологических проблем и защитой окружающей среды. Одновременно зелёный переход позиционировался как одна из ключевых

²³ Europe's strategy for international cooperation in a changing world. 2021. *European Commission*. 18 May. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:252:FIN> (accessed 12.04.2026).

внешнеполитических доминант ЕС. Привлечение международных механизмов ООН и поддержка различных инициатив и проектов – Межправительственной группы экспертов по изменению климата, Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам, Парижского соглашения – позволяли усиливать дипломатическую составляющую ЕС через продвижение научно-экспертной деятельности. В этом случае научная дипломатия продолжала выступать как «мягкая» и привлекательная сила, укрепляющая научную репутацию ЕС.

Главной отличительной чертой общей стратегии использования научной дипломатии ЕС на данном этапе оставалась её укоренённость в либеральной парадигме. Научная дипломатия была нацелена на продвижение либеральных ценностей и принципов во внешней политике, включая демократию и права человека, соблюдение норм международного права, сохранение мира, недопущение конфликтов и укрепление международной безопасности (Galluccio 2021: 68). Вместе с тем, опираясь на международное научное сотрудничество и научную дипломатию как инструмент «мягкой силы», ЕС одновременно ставил перед собой задачу обеспечения и поддержания собственного научного превосходства, конкурентоспособности и устойчивости. Однако прогресс в реализации данной стратегии был признан медленным, а прежний девиз ЕС об «открытости миру» постепенно сменился более осторожной формулой – «открытости для большей части мира»²⁴.

Многосторонняя научная дипломатия ЕС: СЕЗАМЕ и Арктика

В качестве примеров продвижения внешнеполитических интересов ЕС с использованием инструментов научной дипломатии можно привести уже упомянутый ближневосточный проект СЕЗАМЕ – межправительственный научный центр синхротронного излучения – и политику ЕС в Арктическом регионе. Оба примера достаточно специфичны: ни в одном из случаев ЕС не является формальным участником, однако он осуществляет финансирование, поддерживает институциональное развитие проектов и стремится усилить собственную роль как международного актора, используя научно-дипломатический инструментарий. В отличие от таких проектов, как ЦЕРН (1954), Европейский объединённый исследовательский центр (1957) или Международный институт прикладного системного анализа (1972), которые возникли ранее и во многом были результатом научной политики отдельных европейских государств, СЕЗАМЕ и арктическое сотрудничество позволяют проследить именно современные формы научной дипломатии ЕС.

²⁴ Naujokaitytė G. Ministers discuss the future of EU research and innovation programmes. 2023. *Science|Business*. 1 August. URL: <https://sciencebusiness.net/news/horizon-europe/ministers-discuss-future-eu-research-and-innovation-programmes> (accessed 12.04.2026).

Созданный под эгидой ЮНЕСКО и при значительной финансовой и технологической поддержке ЕС, СЕЗАМЕ был запущен в Иордании в 2017 г. Целью проекта стало научно-технологическое развитие стран Ближнего Востока с учётом исторической турбулентности региона, включая иранскую ядерную программу и продолжающийся палестино-израильский конфликт. По своей организационной структуре СЕЗАМЕ во многом воспроизводил контуры ЦЕРНа – Европейского центра ядерных исследований, созданного в 1954 г. и сыгравшего важную роль в развитии межъевропейского научного сотрудничества в послевоенной Европе. ЦЕРН стал ролевой моделью для СЕЗАМЕ, участвуя в формировании его институциональной структуры и обеспечивая финансовую поддержку через ряд программ ЕС, в частности «Горизонт 2020». В результате ЦЕРН, наряду с ЕС, получил статус наблюдателя в СЕЗАМЕ. Таким образом, представленность ЕС в проекте оказалась многоаспектной: через научное менторство ЦЕРНа, а также через политико-дипломатическое и финансовое влияние самого Европейского союза.

«Наука для дипломатии» стала ведущим элементом продвигаемой ЕС политики на Ближнем Востоке, а «наука для мира» – девизом ближневосточного сотрудничества²⁵. Предполагалось, что активизация научного взаимодействия между представителями конфликтующих сторон, в частности Палестины и Израиля, позволит снизить уровень политической напряжённости в регионе. В этом смысле научная дипломатия приняла форму нарратива СЕЗАМЕ в его европейской интерпретации.

Однако реальность оказалась более сложной и противоречивой, чем исходные идеалистические представления. По мере усиления международных противоречий учёные, задействованные в исследованиях, всё более скептически относились к перспективе изменения международных отношений посредством научного сотрудничества. Политические разногласия между государствами – членами СЕЗАМЕ, прежде всего Ираном, Израилем и Палестиной, оказались более значимыми, чем общие научные интересы. Так, учёные из Палестины отказывались взаимодействовать с учёными из Израиля, а политическая поддержка со стороны наблюдателей – Европейского союза и ЦЕРН – воспринималась как средство продвижения европейских политических целей (Rungius et al. 2022). На момент подготовки настоящего исследования СЕЗАМЕ формально продолжал научную деятельность, хотя государства-члены сталкивались с нарастающими трудностями в проведении исследований и обеспечении собственного финансирования научного центра²⁶.

²⁵ Smith C.L. 2012. Synchrotron Light and the Middle East: Bringing the Region's Scientific Communities Together through SESAME. *Science & Diplomacy*. 16 October. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2012/synchrotron-light-and-middle-east> (accessed 12.04.2026).

²⁶ Smith C.L. 2022. CERN and SESAME – Science Diplomacy Building Bridges. *Science & Diplomacy*. 12 October. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2022/cern-and-sesame-science-diplomacy-building-bridges> (accessed 12.04.2026).

Таким образом, идеалистическое представление об объединяющей и трансформирующей роли науки в проекте СЕЗАМЕ столкнулось со структурными ограничениями региональных международных отношений, которые оказались более устойчивыми к изменениям. Последующая эволюция концепта европейской научной дипломатии во многом отразила эти изменения в системе международных отношений.

Внешнеполитическая вовлечённость ЕС в Арктический регион также имеет свою специфику. Из восьми арктических государств Финляндия, Швеция и Дания являются членами ЕС; Норвегия и Исландия входят в Европейскую экономическую зону, а все вместе являются членами НАТО. Ещё шесть стран ЕС, включая Германию, Францию и Польшу, имеют статус наблюдателей в Арктическом совете, хотя сам ЕС формально этим статусом не обладает. Следовательно, присутствие ЕС в Арктике является многослойным: оно проявляется как на институциональном уровне, так и через представительство отдельных государств-членов. Посредством государств-членов ЕС получает достаточно широкие возможности для маневрирования в Арктике – как в политико-военной, так и в научно-дипломатической сфере – и одновременно способствует реализации национальных арктических стратегий (Everett, Halašková 2022).

Со времён Холодной войны Арктика являлась регионом, в котором напрямую пересекались вопросы безопасности двух сверхдержав: именно через Арктику пролегал кратчайший маршрут для запуска баллистических ракет между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. В сфере ядерной безопасности США традиционно поддерживали высокий уровень сотрудничества с нордическими государствами, прежде всего с Норвегией, в области разведки и обмена данными. В свою очередь, сбор данных и проведение научных исследований в Арктике, многие из которых имеют двойное назначение, требуют долгосрочных и дорогостоящих усилий. По сложности и ресурсоёмкости полярные исследования лишь немногим уступают исследованиям космического пространства и дна Мирового океана.

Это означает, что стратегическое значение Арктики тесно связано с её научным изучением: вопросы национальной безопасности зависят от степени исследованности региона и физического присутствия в нём того или иного государства. В этой связи позиция Европейского союза проявляется в двух направлениях – военно-стратегическом и научном. Несмотря на трудности в отношениях с США в период президентства Д. Трампа, ЕС продолжает сотрудничать с Соединёнными Штатами по линии НАТО, а также финансировать деятельность полярных станций и научные исследования государств-членов в рамках реализации арктической стратегии.

С другой стороны, взаимоотношения арктических стран ЕС с Россией носят противоречивый характер и напрямую отражают геополитические изменения последних лет. Так, ЕС возлагал большие надежды на продвижение

общевропейской арктической политики с помощью проекта по созданию норвежско-европейской научно-дипломатической сети, финансируемого правительством Норвегии и Европейской комиссией²⁷. Роль Норвегии в развитии европейской арктической научной дипломатии имеет особое значение, поскольку Норвегия является давним партнёром России в Арктике. Начиная с 1970-х гг. Советский Союз и Королевство Норвегия заключили ряд соглашений в области рыболовства в Баренцевом море, что положило начало десятилетиям экономического, научно-образовательного и дипломатического взаимодействия (Сачук 2008). Поскольку Норвегия активно использовала инструменты арктической научной дипломатии в отношении с Россией, этот опыт представлялся значимым и для ЕС. Однако с началом специальной военной операции в 2022 г. европейские государства приостановили научное сотрудничество с Россией на институциональном уровне на неопределённый срок, фактически прервав и норвежско-российское научно-образовательное взаимодействие.

Аналогичная ситуация сложилась и в Арктическом совете. Отказ западных стран «арктической семёрки» от сотрудничества с Россией не только прервал научно-дипломатическое взаимодействие, но и поставил под вопрос легитимность принятия решений в рамках Арктического совета, а также релевантность научного сотрудничества без учёта позиции России. Научный вклад России в полярные исследования являлся и продолжает оставаться значительным, особенно с учётом военно-стратегического значения региона. Осознавая сложность исключения России из работы Арктического совета, который одновременно выступает и высокопрофильной площадкой научного взаимодействия, страны «арктической семёрки» вскоре частично возобновили сотрудничество с Россией. Несмотря на институциональные ограничения взаимодействия с РФ, персональные контакты западных и российских учёных сохранились (Paukkunen, Black 2024). Таким образом, в рамках научной дипломатии стала реализовываться логика «науки для дипломатии», позволяющая поддерживать научную коммуникацию по вопросам изменения климата, сохранения биоразнообразия и арктической экосистемы.

Климатическая повестка занимает центральное место в арктическом научном сотрудничестве, поскольку климатические изменения в Арктике происходят в несколько раз быстрее, чем в среднем на планете. Одновременно проблема изменения климата высветила стратегическое значение региона с точки зрения разведки и добычи природных ресурсов не только для арктических государств, но и для стран, географически удалённых от Арктики. Интересы азиатских государств, получивших статус наблюдателей в Арктическом совете в 2013 г., – Китая, Индии, Южной Кореи, Японии и Сингапура – особенно отчётливо

²⁷ Norway-EU Science Diplomacy Network: Science Diplomacy Strategy and Practice for Arctic, Russia, UN, and Ocean Policy. *The Research Council of Norway*. URL: <https://prosjektbanken.forskingsradet.no/en/project/FORISS/322595> (accessed 12.04.2026).

проявляются в геоэкономическом измерении. Их присутствие дополнительно обозначило разделение государств на две геополитические группы – НАТО и БРИКС. Однако роль обеих групп в Арктическом совете пока остаётся неясной: они могут как усиливать разрыв между Россией и западными странами, так и становиться каналом прямого сотрудничества в рамках инструментария научной дипломатии (Argüello, Rafaly 2023).

Вовлечение большего числа акторов и усиление соперничества в Арктике обострили проблему внешнеполитического позиционирования ЕС. Продвижение научного сотрудничества, предшествующего дипломатическим усилиям, стало одной из ключевых установок общеевропейского подхода. Значительная научная составляющая климатических исследований, а также разработка научно обоснованной стратегии устойчивого управления природными ресурсами должны были стать основанием для получения ЕС формального статуса наблюдателя в Арктическом совете.

На момент подготовки настоящего исследования эта дипломатическая цель достигнута не была. Тем не менее ЕС продолжает активно финансировать арктические исследования и деятельность многочисленных арктических научных станций, тем самым продвигая научную составляющую собственной научной дипломатии (Johansson, Callaghan 2025). Разрушение прежней монолитности Арктического совета и ограничение взаимодействия с Россией негативно сказались на реализации европейского арктического видения. Иными словами, арктическая политика ЕС оказалась затруднена: за Брюсселем сохранился достаточно развитый инструментарий научной дипломатии, однако возможности его использования в общеевропейской внешней политике остаются весьма ограниченными.

Осознавая эти дипломатические ограничения, ЕС сталкивается с трудностями при формировании единого общеевропейского вектора арктической политики. В результате происходит переориентация с нисходящего подхода – от ЕС к государствам-членам – на восходящий подход, при котором арктические европейские государства всё в большей степени задают рамки общеевропейской политики в регионе (Гутенев, Сергунин, Шадрин 2023; Strouk, Maisonobe 2024).

Смена парадигмы научной дипломатии ЕС

Стратегическое видение Европейским союзом своего геополитического положения и подход к научной дипломатии существенно меняются в уже упомянутом докладе Европейской комиссии 2025 г.²⁸. По инициативе Европейской комиссии в 2023 г. было создано несколько рабочих групп, объединивших

²⁸ A European framework for science diplomacy. *European Commission*.

учёных и практиков для переосмысления роли ЕС на международной арене и места научной дипломатии в политике Союза. Доклад «Основы европейской научной дипломатии: рекомендации рабочих групп ЕС по изучению научной дипломатии» стал важным концептуальным документом, отразившим изменения миропорядка.

Эти изменения связаны с активизацией российской внешней политики в контексте украинского кризиса, особенно после 2022 г., трансформацией китайского экономического влияния в геополитическое, а также наметившимся расколом с некоторыми западными союзниками²⁹. Тенденция к снижению международного значения ЕС обострила вопросы безопасности, суверенитета и стратегической зависимости. В этой связи авторы доклада предлагают рекомендации по включению научной дипломатии во внешнеполитическую стратегию ЕС с учётом новых международных условий.

В докладе подчёркивается, что наука является одним из ключевых компонентов развития европейской и глобальной экономики – от периода географических открытий до современных технологических инноваций. Научные достижения непосредственно влияли на международные отношения, формируя как направления сотрудничества, так и линии соперничества между государствами. В современных геополитических условиях наука и технологии рассматриваются как важный стратегический актив, который необходимо развивать не только для повышения конкурентоспособности, но и для решения проблем, стоящих перед ЕС. Среди таких проблем выделяются преодоление технологического разрыва с США и Китаем в области инновационных технологий, декарбонизация экономики, усиление безопасности и снижение стратегической зависимости ЕС от других государств.

Авторы доклада предлагают развивать научную дипломатию как набор практик и одновременно как устойчивый механизм государственного управления. При этом «наука» понимается широко и включает не только точные и естественнонаучные дисциплины, но и социально-гуманитарное знание. «Дипломатия», в свою очередь, относится к практикам продвижения национальных и глобальных интересов, в том числе через участие в работе международных организаций.

На фоне изменений, происходящих на мировой арене, авторы доклада признают, что геостратегическое соперничество государств в научно-технологической сфере становится одним из ключевых факторов, определяющих не только международный статус государств, но и их национальную безопасность. Понятия «технологическое превосходство» и «суверенитет» входят в научно-практический оборот и становятся для Европейского союза стратегическими

²⁹ Müller J.M. 2024. Building European Science Diplomacy from the Bottom Up. Science & Diplomacy. 17 October. *Science & Diplomacy*. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2024/building-european-science-diplomacy-bottom> (accessed 12.04.2026).

категориями, прежде всего в сфере безопасности. При этом безопасность понимается достаточно широко: она включает как защиту от внешнего влияния на политику ЕС, так и сохранение технологического преимущества.

В этих условиях акцент научной дипломатии смещается к категории «дипломатия в науке». Это означает усиление роли дипломатической работы в организации международного научного сотрудничества или, напротив, в его ограничении через научно-академические санкции, если продолжение такого сотрудничества воспринимается как угроза европейскому суверенитету и безопасности (Krasnyak, Ruffini 2025). Академические санкции не являются для ЕС новым инструментом. Ещё в 2014 г. ЕС ограничил участие Швейцарии в программе «Горизонт 2020» в ответ на швейцарский референдум, направленный против миграции (Young, Ravinet 2022).

В докладе также подчёркивается, что в последующие пять лет мировое геостратегическое соперничество будет усиливаться. Следовательно, ЕС необходимо занять более проактивную позицию в продвижении собственных стратегических интересов. Поддержка науки и преодоление технологического разрыва с США и Китаем должны помочь ЕС стать одним из мировых лидеров в области исследований и инноваций и усилить его геополитическое влияние. Научная дипломатия, как утверждают авторы доклада, должна соответствовать фундаментальным принципам и ценностям ЕС и одновременно помогать ему маневрировать в условиях меняющихся международных отношений.

Понимание преимуществ и ограничений научной дипломатии в реализации европейских интересов должно соотноситься с пониманием роли науки и инноваций в трансформирующемся миропорядке. В докладе также отмечается, что стратегический вес и геоэкономическое значение соперников ЕС достаточно велики, поэтому только совместные научно-дипломатические усилия всех 27 стран-членов способны повысить эффективность научно-технологического развития Союза. В этой связи стратегическим приоритетом ЕС становится создание единой платформы – интерактивного пространства для диалога, координации и дальнейшего развития компетенций научной дипломатии.

Таким образом, доклад 2025 г., подготовленный ведущими европейскими исследователями и практиками, обозначил переход от идеалистического понимания научной дипломатии к более реалистичному и прагматичному. Намечился также отход от представления о незыблемости международных институциональных принципов взаимодействия в пользу более ситуативного и гибкого подхода. Наука уже не воспринимается исключительно как универсальная основа сотрудничества, направленного на решение глобальных проблем. Напротив, наука и инновационно-технологическое развитие всё чаще рассматриваются одновременно как актив и как инструмент конкуренции, позволяющий укреплять лидерские позиции и сдерживать соперников.

В этой связи академические санкции Европейского союза, направленные против России, вписываются в новый формат научной дипломатии как

средство сдерживания геостратегического соперника. Иными словами, если ограничение научных связей наносит ущерб государству-сопернику, то научно-дипломатические цели в такой логике считаются достигнутыми. Происходит своеобразная вепонизация научной дипломатии: в связке «наука – дипломатия» наука сохраняет ключевое значение, однако всё более явно действует в фарватере политико-дипломатических интересов. При этом «мягкая сила» научной дипломатии дополняется элементами «жесткой силы» в виде научно-академических санкций. Основные тенденции эволюции научной дипломатии ЕС отражены в Таблице 1.

Таблица 1. Эволюция институциональных основ и задач научной дипломатии ЕС
Table 1. Evolution of the Institutional Foundations and Objectives of EU Science Diplomacy

Год	Институциональная база	Принципы и задачи научной дипломатии	Механизмы реализации
2012	Доклад ЕК «Укрепление международного сотрудничества ЕС в области исследований и инноваций: стратегический подход»	Научная дипломатия рассматривается как инструмент «мягкой силы», поддержки внешней политики ЕС, укрепления отношений с ключевыми странами и регионами, повышения привлекательности европейской науки, экономического процветания, промышленной конкурентоспособности и ответа на глобальные вызовы.	Программы «Европа 2020» и «Горизонт 2020».
2016	Доклад ЕК «Открытые инновации, открытая наука, открытость миру: видение Европы»	Закрепляется понимание научной дипломатии как инструмента интернационализации научной политики, продвижения международного научно-технического сотрудничества, лидерства ЕС в глобальных исследованиях и поддержки внешнеполитических целей Союза.	Программа «Горизонт 2020»; исследовательские проекты S4D4C, InsSciDE, EL-CSID.
2019	Мадридская декларация научной дипломатии	Научная дипломатия формулируется в рамках либеральной парадигмы: акцент делается на демократических ценностях, открытой науке, международном сотрудничестве и решении глобальных проблем современности.	Разработка унифицированных образовательных модулей; подготовка специалистов в области научной дипломатии.
2020	Доклад ЕК «Стратегический форум для международного научно-технического сотрудничества»	Научная дипломатия определяется как направление стратегического позиционирования ЕС на международной арене. Подчеркивается необходимость научно обоснованной внешней политики, развития научно-консультативных механизмов и включения научной экспертизы в политические процессы ЕС и его представительств.	Формирование сети атташе по науке и технике и советников по науке; создание Альянса научной дипломатии ЕС на основе объединения S4D4C, InsSciDE и EL-CSID; развитие образовательных программ; подготовка научных дипломатов; проведение исследований, подготовка докладов и политических рекомендаций.

2025	Доклад ЕК «Основы европейской научной дипломатии: рекомендации рабочих групп ЕС по изучению научной дипломатии»	Научная дипломатия переосмыслиется в контексте геополитической конкуренции, стратегической автономии и технологического суверенитета ЕС. На первый план выходят преодоление технологического разрыва с США и Китаем, развитие инновационных технологий, декарбонизация экономики, усиление безопасности, технологическое превосходство и защита европейских интересов. Наряду с «мягкой силой» усиливаются элементы «жёсткой силы» и вепонизации научной дипломатии.	Активизация деятельности атташе по науке и технике и советников по науке; использование академических санкций; развитие образовательных программ и тренингов; координация научно-технических возможностей стран ЕС для достижения стратегических целей.
------	---	--	---

Заключение

Таким образом, в становлении и развитии научной дипломатии ЕС можно выделить несколько направлений, которые в целом соответствуют эволюции системы международных отношений. В 2000-е гг., в условиях либеральной глобализации, научная дипломатия позиционировалась как универсальный инструмент продвижения международного научного сотрудничества. Такое сотрудничество рассматривалось как необходимое условие достижения целей устойчивого развития, решения глобальных проблем современности и распространения либеральных ценностей, включая защиту прав человека, феминизм и инклюзивность. Эти установки нашли отражение в докладе Европейской комиссии 2012 г., где научная дипломатия впервые была упомянута в контексте внешнеполитического позиционирования ЕС. К моменту подготовки и подписания Мадридской декларации 2019 г. работа по институционализации научной дипломатии стала более системной: сначала она была включена в стратегию «Европа 2020», затем – в программу «Горизонт 2020». Создание трёх исследовательских групп с участием учёных, дипломатов и экспертов, а затем их объединение в Альянс научной дипломатии ЕС подтвердили намерение Европейской комиссии продвигать научную дипломатию как самостоятельный внешнеполитический инструмент.

Как показал анализ практик использования научной дипломатии – проекта СЕЗАМЕ и научного сотрудничества в Арктике, – международная акторность ЕС имеет существенные ограничения. Системные политические факторы, определяющие взаимодействие национальных государств, оказались сильнее возможностей наднационального образования и выявили уязвимость внешнеполитического позиционирования ЕС. Сосредоточившись на развитии сети научных атташе и научных советников, а также на разработке образовательных модулей для подготовки научных дипломатов, ЕС переориентировался на более предметные задачи. В их числе – преодоление стратегической

зависимости и достижение технологического суверенитета, что нашло отражение в докладе по научной дипломатии 2025 г. Поскольку решение подобных задач традиционно характерно прежде всего для национальных государств и в меньшей степени для интеграционных объединений, можно предположить, что ЕС предпринимает попытку более глубокой институционализации научной дипломатии с целью унификации стратегии, реализуемой непосредственно Европейской комиссией.

Оценить эффективность использования научной дипломатии во внешней политике ЕС пока сложно. Однако координация исследовательской активности государств-членов для решения предметных задач и ситуативное объединение научно-технических возможностей европейских научных институтов выглядят вполне достижимыми. В этих условиях возрастает роль сети атташе по науке и научных советников, поскольку именно они призваны не только координировать работу соответствующих акторов научной дипломатии внутри ЕС и за его пределами, но и оценивать качество научной интеграции и исследований, необходимых для решения конкретных задач. Универсализация научного знания и представление о глобальном охвате научной дипломатии достаточно быстро сменились более прагматичным политико-дипломатическим ориентированием ЕС: если не на достижение глобального лидерства, то по крайней мере на стремление не оказаться на периферии научно-технологического прогресса.

Об авторе:

Ольга Александровна Красняк – кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 109028, Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3.
E-mail: okrasnyak@hse.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327(4-672EC):001.83
Received: 02 February 2026
Accepted for publication: 25 March 2026

EU science diplomacy as a tool of strategic autonomy

 O.A. Krasnyak
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-24-46](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-24-46)

HSE University

Abstract: This article examines European Union science diplomacy as an instrument of external action aimed at strengthening the EU's international actorness, strategic autonomy, and technological sovereignty. It argues that EU science diplomacy is undergoing a significant transformation: from a liberal-normative model centered on international scientific cooperation, soft power, and global public goods toward a more strategic and geopolitical model shaped by technological competition, security concerns, and the fragmentation of the international order.

The article identifies the conceptual and institutional foundations of EU science diplomacy and assesses their role in the broader evolution of EU foreign policy. Methodologically, the study is grounded in institutionalism, which allows science diplomacy to be analyzed as a developing system of norms, strategic documents, organizational structures, expert networks, and practices formed under the auspices of the European Commission. The empirical basis includes European Commission documents, reports of EU working groups on science diplomacy, materials related to Horizon 2020 and Horizon Europe, initiatives of the EU Science Diplomacy Alliance, and relevant academic literature.

The article examines two contrasting cases: the SESAME synchrotron project in Jordan and scientific cooperation in the Arctic. SESAME illustrates the liberal logic of "science for diplomacy," where research infrastructure is expected to promote dialogue and confidence-building in a conflict-prone region. The Arctic case, by contrast, shows science diplomacy as a tool of strategic positioning in a region where scientific knowledge is closely linked to climate governance, natural resources, security, sanctions, and geopolitical rivalry.

The article concludes that EU science diplomacy can no longer be understood solely as a form of soft power or international cooperation. It is increasingly becoming a mechanism for consolidating the EU's geopolitical subjectivity, technological sovereignty, and strategic autonomy in a fragmented world order.

Keywords: science diplomacy, EU foreign policy, scientific and technical cooperation, SESAME, Arctic cooperation, technological sovereignty

About the author:

Olga A. Krasnyak – Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of theory of law and comparative law, Faculty of law, HSE University. 3 Bolshoy Trekhsvyatitelskiy Pereulok, Moscow, 109028. E-mail: okrasnyak@hse.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Abrantes M., Vaz-Pinto R. 2024. Science Diplomacy in the European Union: Mapping the Portuguese Case (1986–2021). *Humanities & Social Sciences Communications*. 11(1). P. 1–18. DOI: 10.1057/s41599-024-04102-1
- Argüello G., Rafaly V. 2023. Science Diplomacy and Asian States: Transforming the Governance Landscape in the Arctic. *Polar Record*. 59(e41). P. 1–10. DOI: 10.1017/S0032247423000281
- Berkman P. et al. 2017. The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy. *Science*. 358(6363). P. 596–598. DOI: 10.1126/science.aaq0890
- Berkman, P. A. 2019. Evolution of Science Diplomacy and Its Local-Global Applications. *European Foreign Affairs Review*. 24. P. 63-80.
- Everett K., Halašková B. 2022. Is It Real? Science Diplomacy in the Arctic States' Strategies. *Polar Record*. 58(e27). P. 1–14. DOI: 10.1017/S0032247422000183
- Fährnich B. 2017. Science Diplomacy: Investigating the Perspective of Scholars on Politics – Science Collaboration in International Affairs. *Public Understanding of Science*. 26(6). P. 688–703. DOI: 10.1177/0963662515616552
- Flink T., Schreiterer U. 2010. Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*. 37(9). P. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530
- Galluccio M. 2021. *Science and Diplomacy: Negotiating Essential Alliances*. Springer: Cham.
- Johansson M., Callaghan T.V. 2025. The Rise and Fall of Science Diplomacy in the Arctic: The “Interact” Experience. *Polar Record*. 61(e8) P. 1–10. DOI: 10.1017/S0032247425000014
- Krasnyak O., Ruffini P.-B., 2025. Science Diplomacy and Scientific Sanctions against Russia. *Russia in Global Affairs*. 23(3). P. 141–148. DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-3-141-148
- Lane P. 2013. *French Scientific and Cultural Diplomacy*. The UK: Liverpool University Press.
- Langenhove L. 2017. *Tools for an EU Science Diplomacy*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- López de San Román A., Schunz S. 2018. Understanding European Union Science Diplomacy. *Journal of Common Market Studies*. 56(2). P. 247–266. DOI: 10.1111/jcms.12582
- Melchor L. 2020. What Is a Science Diplomat? *The Hague Journal of Diplomacy*. 15(3). P. 409–423. DOI: 10.1163/1871191X-BJA10026
- Paukkunen S., Black J. 2024. Arctic Cooperation with Russia: at What Price? *International Affairs*. 100(6). P. 2637–2648.
- Ruffini P.-B. 2022. Ministries of Foreign Affairs and the Challenge of Science Diplomacy. *Ministries of Foreign Affairs in the World*. Leiden, The Netherlands: Brill | Nijhoff. P. 228–250. DOI: 10.1163/9789004505889_011
- Ruffini P.-B. 2023. Science Counselors of the European Union – a Case Study of Science Diplomacy. *Diplomatica*. 5(1). P. 95–120. DOI: 10.1163/25891774-bja10093
- Rungius C., Flink T., Riedel S. 2022. SESAME – a Synchrotron Light Source in the Middle East: An International Research Infrastructure in The Making. *Open Research Europe*. 1(51). P. 1–34. DOI: 10.12688/openreseurope.13362.2
- Saric J., Bretzler A., Breu T. et al. 2025. Swiss Science Diplomacy: Exploring Strategies, Instruments, Current Priorities, and the Role of International development cooperation. *Science and Public Policy*. 52(2). P. 298–316. DOI: 10.1093/scipol/scae091
- Strouk M., Maisonobe M. 2024. Field Science and Scientific Collaboration in the Svalbard Archipelago: Beyond Science Diplomacy. *Science and Public Policy*. 51(5). P. 780–794. DOI: 10.1093/scipol/scae012

Young M., Ravinet P. 2022. Knowledge Power Europe. *Journal of European Integration*. 44(7). P. 979–994. DOI: 10.1080/07036337.2022.2049260

Gutenev M. 2021. Nauchnaya diplomatiya kak instrument dostizheniya vneshnepoliticheskikh celej [Science Diplomacy as a Tool or Archiving Foreign Policy Goals]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65(6). P. 119–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127 (In Russian)

Gutenev M., Sergunin A., Shadrina O. 2023. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya stran Severnoj Evropy [Arctic Science Diplomacy of the Nordic Countries]. *Sovremennaya Evropa*. №2. P. 19–31. DOI: 10.31857/S020170832302002X (In Russian)

Reinhardt R. 2021. Rossijskaya nauchnaya diplomatiya na rasput'e: pozitivnyj i normativnyj analiz [Russian Science Diplomacy at a Crossroads]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(2). P. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106 (In Russian)

Rainkhardt R., Mozebakh V. 2017. Deyatel'nost' attashe po nauke: Otechestvennyye i zarubezhnyye praktiki [Science Attache's Work: Russian and Foreign Practices]. *Chelovecheskiy kapital*. 12(108). P. 28–33. DOI: 10.25629/HC.2017.12.06 (In Russian)

Sachuk G. 2008. Rossijsko-Norvezhskoye sotrudnichestvo [Russian-Norwegian cooperation]. *Vestnik Instituta Geologii*. №9. P. 6–9. (In Russian)

Shestopal A.V., Litvak N.V. 2016. Nauchnaya diplomatiya. Opyt sovremennoj Francii [Science Diplomacy: French Experience]. *MGIMO Review of International Relations*. 5(50). P. 106–114. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-5-50-106-114 (In Russian)

Список литературы на русском языке

Гутенёв М. 2021. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(6). С. 119–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127

Гутенев М.Ю., Сергунин А.А., Шадрина О.Н. 2023. Арктическая научная дипломатия стран Северной Европы. *Современная Европа*. 2. С. 19-32. DOI: 10.31857/S020170832302002X

Райнхардт Р.О. 2021. Российская научная дипломатия на распутье: позитивный и нормативный анализ. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(2). P. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106

Райнхардт Р.О., Мозебах В.А. 2017. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики. *Человеческий капитал*. 12(108). С. 28–33. DOI: 10.25629/HC.2017.12.06

Сачук Г. 2008. Российско-норвежское сотрудничество. *Вестник института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН*. №9. С. 6–9.

Шестопал А.В., Литвак Н.В. 2016. Научная дипломатия. Опыт современной Франции. *Вестник МГИМО-Университета*. 5(50). С. 106–114. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-5-50-106-114